

Алимова Сауле Бисембаевна

ОСОБЕННОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ НЕОДЕМОКРАТИЙ

В данной статье рассматривается проблема формирования оригинальных моделей демократии в странах постсоветского пространства. Автор обосновывается идея о противоречивом характере демократического транзита в переходных обществах, определяемом необходимостью, с одной стороны, выбора моделей, адекватных национально-культурному контексту, а с другой – учета универсальных императивов демократии, которые были успешно апробированы в западных странах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/8/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (75). С. 16-18. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 321.7

Политология

В данной статье рассматривается проблема формирования оригинальных моделей демократии в странах постсоветского пространства. Автором обосновывается идея о противоречивом характере демократического транзита в переходных обществах, определяемом необходимостью, с одной стороны, выбора моделей, адекватных национально-культурному контексту, а с другой – учета универсальных императивов демократии, которые были успешно апробированы в западных странах.

Ключевые слова и фразы: демократия; демократизация; неodemократия; транзитные общества; постсоветское пространство; вестернизация.

Алимова Сауле Бисембаевна, к. филос. н., доцент

Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, Казахстан

alimova_s@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ НЕОДЕМОКРАТИЙ[©]

Осмысляя политические итоги XX века и намечая контуры нового мирового порядка XXI века, человечество вновь возвращается к феномену демократии, подвергая его, казалось бы, сложившийся проблемный комплекс новому заинтересованному прочтению. Предсказание-пророчество, сделанное в один из самых трагических моментов мировой истории, о том, что «мир рожден для демократии» (В. Вильсон), приобретает конкретное воплощение.

Стремление к плодотворной рефлексии настоящего и будущего постсоветских неodemократий в контексте общемировых тенденций и векторов глобального развития также неизбежно выводит нас на необходимость переосмысления огромного, многообразного и разнопланового массива проблем, связанного с процессом демократизации. Важность этой проблемы для молодых государств, осуществляющих переход к демократии, очевидна. Подводя некоторые итоги политического реформирования, оценивая характер демократических преобразований в странах постсоветского пространства, следует признать, с одной стороны, их масштабность, насыщенность и динамизм, но с другой – их неоднозначность, амбивалентность и остроту протекания. Перед транзитными обществами стояла задача, без преувеличения, исключительной исторической сложности. Переход, на осуществление которого западным странам потребовались столетия массивных общественных преобразований, опирающихся на богатую политическую и культурную традицию, в постсоветских странах разворачивается в считанные годы. Сложность такого перехода очевидна, равно как и возможность разнообразных, а зачастую и диаметрально противоположных оценочных позиций в отношении состояния и перспектив демократического транзита.

Выражая мнение некоторых западных аналитиков, которые пока воздерживаются от однозначно оптимистических прогнозов, Л. Даймонд констатирует: «В ряде регионов и стран основные компоненты политической демократии пока просто не существуют. Во всяком случае – в виде системы или в рамках системы. Налицо либо реальные тенденции, либо, напротив, ...ситуация демократических фасадов, которым не соответствует остальное пространство общества – ни по вертикали, ни по горизонтали» [4, с. 389]. Видимо, такой острокритический взгляд на состояние «молодых демократий» имеет право на существование. Он основывается на вполне реальных фактах. Кажущиеся простота и стремительность перехода молодых суверенных государств к новому политическому проекту имеют и свою оборотную сторону, которая определяет переживаемые ими противоречия и трудности. Их можно сгруппировать в два тесно взаимосвязанных массива. Первый – это трудности, связанные с поиском и отбором новых форм и моделей, адекватных национально-культурному контексту, т.е. соответствующих специфике общества, его истории и традициям. Очевидно, что игнорирование отечественного контекста с неизбежностью приводит к формированию «бледного отражения» (Ф. Шмиттер) западной демократической нормы. Эпигонство в истории неконструктивно и непродуктивно.

Второй массив проблем вытекает из признания того, что западная модель демократии все-таки несет в себе значительный потенциал универсальных элементов. Это своего рода космополитический код демократии. Было бы крайне неразумно отвергать все без исключения возможности политической модели, которая прошла проверку на прочность временем. Трудности здесь могут возникнуть в связи с «вживлением» тщательно отобранных элементов, форм и принципов жизнедеятельности в «живую ткань» переходных обществ. Эти сложные и противоречивые проблемы не поддаются одномерной теоретической интерпретации. В то время как попытки систематизировать объемный аналитический материал, связанный с особенностями политических проектов «молодых демократий», носят преимущественно оценочный характер, являясь во многом статичными и фрагментарными.

Политической наукой накоплен и систематизирован значительный аналитический материал, связанный с особенностями демократического транзита различных обществ. Он перманентно подвергается критической

верификации и корректировке в процессе продолжающихся исследований все более усложняющихся реалий современного мира. Эти новые реалии создают дополнительный импульс для исследователей. В настоящее время формируется, без преувеличения, новая предметная область политического анализа, которая выходит далеко за рамки, очерченные классическими исследователями проблемы.

Довольно часто в исследовательской литературе практикуется проекция уже изученного и проработанного определенным образом материала на вновь возникшие и формирующиеся политические практики с целью их подгонки под общепризнанный научный стандарт. Необходимость преодоления этого довольно широко используемого приема очевидна. Здесь особую значимость и ценность приобретает исследовательская рефлексия. Оптимальность ее активного подключения к исследовательскому процессу определяется и актуальным социальным заказом: многотрудный, неоднозначный и во многом уникальный опыт демократических реформ в постсоветских странах должен быть включен в общий процесс научных исследований, обогатить политическую теорию новыми оригинальными моделями демократического дизайна. Можно однозначно утверждать, что жизнеспособность, гибкость и перспективность формирующегося демократического порядка будут во многом зависеть от плодотворности предварительной теоретической разработки, глубины научной рефлексии. Их важнейшее прикладное значение определяется прежде всего тем, что они создадут прочный фундамент, на котором будет возведена стабильная демократическая конструкция.

В политической теории наличествуют и во многом оказывают определяющее воздействие на характер и направленность научных изысканий процесса демократизации разнообразные концепты и исследовательские подходы. Особенно глубокие корни имеет концепт «вестернизации», опирающийся на продолжительную интеллектуальную традицию западной политологии. В исследовательской литературе, которая по всеобщему мнению признается классикой политической теории, проводится идея о том, что расширение демократического ареала неизбежно приведет к унификации мирового сообщества в соответствии с критериями и ценностями западной либерально-демократической парадигмы. Эталонный демократический стандарт, закреплённый на Западе как результат его многовековой продуктивной интеллектуальной рефлексии и не менее успешной общественной практики, и в настоящее время служит для многих авторитетных аналитиков (Ф. Фукуяма, Зб. Бжезинский, К. Райс, У. Кристолл, Дж. Кемп и др.) главным критерием оценки происходящих в современном мире перемен. Однако, не ставя под сомнение впечатляющие достижения стран «старой демократии», равно как и авторитетность суждений этих исследователей, следует все-таки признать, что прогрессистско-эволюционистская парадигма глобальной демократизации по «вестерн-проекту», особенно в свете кардинальных сдвигов в мировой политике последних двух десятилетий, продемонстрировала свою явно недостаточную эмпирическую ценность. И прежде всего потому, что схематическая формулировка либерально-демократической модели как набора строго определенных признаков, характеристик, элементов не могла в принципе соотноситься с реалиями постоянно изменяющегося и усложняющегося мира. Очевидно, что в таком случае эвристический потенциал итогового знания очень скромный, так как имеет своей целью выяснение степени корреляции анализируемого политического порядка с идеальными атрибутами базового концепта.

Демократический транзит, активно развернувшийся в незападных, в т.ч. постсоветских обществах, поставил под сомнение правомерность и оптимальность использования концепта «вестернизации» как универсальной объяснительной схемы. Причины этого «охлаждения» многообразны. Прежде всего здесь отчетливо проявилась одна из важнейших имманентных характеристик интеллектуальной деятельности. Динамика развития науки определяется перманентной критикой влиятельных концепций, их активной верификацией. Явно выраженные различия обществ (прежде всего западных и незападных), где разворачивается процесс демократизации, актуализировали эмпирическую сферу. В эмоциональном плане концепт «вестернизации» подвергался еще более массивной критике в связи со стремлением молодых государств, добившихся суверенитета, выстраивать свое понимание политической перспективы, выбирать свою историческую судьбу самостоятельно, без давления (политического, культурного, интеллектуального и др.) извне. Именно из такого понимания исходил американский политолог Р. Кирк, когда подводил итоги своей многолетней и плодотворной интеллектуальной деятельности в области теории демократии: «Государства, как и люди, должны находить свои собственные пути к порядку и свободе, и такие пути обычно бывают очень древними и извилистыми... Мы, американцы, склонны полагать, что страны, которые мы пренебрежительно называем “слаборазвитыми”, – это не более чем примитивные скопления населения, которым не хватает только наших политических теорий и практики, чтобы установить режим полного благоденствия. Но это значит игнорировать историю» [2, с. 147].

Нельзя утверждать однозначно, что концепт «вестернизации» полностью утратил свои когда-то господствующие в науке позиции. Правомернее было бы предположить, что в процессе активной полемики с ее последователями в науке выстраивались новые исследовательские трактовки, открывались новые возможности для продуктивного изучения проблемы. Они являлись результатом эмпирического апробирования теоретических схем, ошибок, просчетов, откатов назад, драматического опыта продвижения к демократии многих разнообразных по своей природе обществ.

Очевидно, что формирование и закрепление демократических элементов, форм, институтов, возникших в разнообразных социальных и культурных средах, являющихся результатом длительной эволюции в контексте оригинальных, а зачастую уникальных условий, факторов, процессов, имеют значительные особенности,

сложности и противоречия. Это связано с тем, что их содержание при переносе в новые условия претерпевает качественные изменения. Причем часто настолько значительные, что правомернее говорить не о заимствовании, а о становлении принципиально новой политической реальности. Более того, по мере «вживления» демократических элементов в новую социокультурную среду, в процессе их активного и нелегкого становления происходит их своеобразное и даже порой непредсказуемое перерождение. Поэтому одномерные и жестко оформленные исследовательские схемы могут соответствовать только одномоментному состоянию формирующейся системы или даже иметь более узкую функциональную предназначенность – охватывать определенный фрагмент системы, который по мере ее становления может отпасть как несостоявшийся или исчерпать себя как отработанный. Таким образом, жестко заданные исследовательские схемы по существу игнорируют эволюционный характер формирующегося социума.

Другой исследовательский подход в изучении неидеократий возник как своего рода антитеза первому. Он диаметрально противоположен по существу и нацелен на изучение различных политических практик как сугубо уникальных и самобытных. Отсюда целенаправленный и динамический поиск в каждом конкретном случае отдельной объяснительной схемы, самодостаточного научного инструментария. Следует признать, что результаты закрепления такой исследовательской позиции в науке не самые обнадеживающие. Можно сказать, что такое понимание в настоящее время распространяется вширь, не затрагивая глубинной сути анализируемого феномена. Активно тиражируемые в последние годы концепты: «демократия с прилагательными» (Д. Кольер, Л. Левицки), «делегативная демократия» (Г. О’Доннелл), «управляемая демократия» (В. Третьяков), «манипулятивная демократия» (С. Марков), «дефектная демократия» (В. Меркель, А. Круассан) и другие не проясняют глубинной сущности исследуемого феномена, а скорее ставят новые вопросы, не способствуя, таким образом, уточнению основных параметров, принципов, инвариантов современного демократического дизайна. В частности, Д. Кольер и С. Левицки, пытаясь систематизировать этот огромный массив, накладывая его на практическую плоскость политики, насчитали более 550 «подвидов» демократии [1, с. 11]. Было бы неправомерным утверждать, что в них отсутствует эвристическая составляющая. Но в целом эти концепты в большей степени фиксируют внимание на внешних формах и проявлениях. Формируется ситуация «Вавилонской башни науки» (Дж. Сартори), когда недостаточная разработанность и расплывчатость самой основы исследования – терминологической базы – делают сомнительным использование этих исследовательских схем как рабочего инструментария науки. Эти обстоятельства дают основания для констатации: «Критика “заносчивой претензии” западных либеральных моделей демократии на “исключительную представительность” зачастую недостаточно отрефлексирована» [3, с. 28].

Резюмируя сказанное относительно двух обозначенных исследовательских подходов, можно предположить недостаточную удовлетворительность обоих. Ни использование схемы, разработанной на западном аналитическом материале и претендующей на универсальность, ни конструирование особого подхода, постулирующего восприятие каждого государственно-культурного контекста как единственно уникального и неповторимого, не дадут адекватного ответа на вопрос: почему в одних условиях и практиках демократия «работает», а в других – «пробуксовывает». Как в одном, так и в другом случае вопрос остается открытым, а возможность полноценного и продуктивного исследования может ставиться под сомнение. Поэтому в противовес им, учитывая их явно недостаточную коррелируемость с поливариантной и противоречивой политической практикой, как отражение усложняющихся реалий современного мира была сформулирована концепция диверсификации демократии. Она исходит из признания расширения разнообразия демократического развития. Перспективность и плодотворность введения данной концепции в научный оборот политической науки определяются реальными фактами мирового политического процесса – включением в него в качестве полноценных субъектов десятков молодых государств, находящихся в состоянии активного формирования новой модели демократии.

Список литературы

1. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. 1999. № 1. С. 11-16.
2. Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для счастья человека? // Полис. 2001. № 3. С. 145-149.
3. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 2. С. 20-29.
4. Политические институты на рубеже тысячелетий / отв. ред. К. Г. Холодковский. Дубна: ООО «Феникс+4», 2001. С. 376-392.